

VIII. Эссе

Леонид Люкс

Особый путь России? Заметки по поводу одного спора*

В своей статье «Недоразумение – это мать всех войн» в немецкой газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* российский писатель Виктор Ерофеев говорит о фундаментальном противоречии между российскими и западными ценностными представлениями, ярко проявившимся в ходе нынешнего конфликта вокруг Украины. Этот ценностный конфликт Ерофеев пытается проиллюстрировать изречением Джеймса Джойса: «Мне говорят: Умри за Ирландию. А я говорю: Пусть Ирландия умрет за меня». Слова ирландского писателя, типичные, с точки зрения Ерофеева, для западного менталитета, он комментирует следующим образом: «Едва ли можно себе представить, чтобы обычный русский человек в 21-ом веке сказал что-либо подобное о своей стране, ибо это противоречит российскому принципу патриотизма и служения родине»¹. Еще одно фундаментальное различие между Россией и Западом состоит для Ерофеева в том, что такие типичные западные свойства как «умеренность и осторожность (на протяжении столетий) высмеивались в России как мещанские понятия».

Не лишено иронии то, что статья Ерофеева вышла именно тогда, когда Европа отмечает столетие начала Первой мировой войны – «пракатастрофы 20-го века», которую восторженно приветствовали очень многие европейцы. Националистические эмоции наблюдались тогда на Западе в изобилии. То есть, люди там вели себя отнюдь не в духе процитированного Ерофеевым высказывания Джойса. Берлинский политолог Херфрид Мюнклер говорит в этой связи о «сакрализации войны», наблюдавшейся тогда во многих вступивших в войну странах. «(Это) было равнозначно иммунитету против какой бы то ни было рациональности и расчета»². Куда подевались в то время «умеренность и осторожность», являющиеся якобы отличительной чертой западного менталитета? Только после катастрофического опыта двух мировых войн в Европе произошла смена парадигм,

---

* Расширенная версия немецкой статьи, ранее опубликованной в журнале *The European* (13. 6. 2014).

¹ Jerofejew V. Die Mutter aller Kriege ist das Missverständnis // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 26.5.2014. P. 11.

² Münkler H. Der große Krieg: Warum der Erste Weltkrieg nicht im Herbst 1914 beendet wurde // *Zur Debatte*. 5/2014. P. 20.

что отчасти привело к развенчанию национальной идеи, господствовавшей до этого практически безраздельно.

А как обстоит дело с «русским принципом патриотизма и служения родине»? Можно ли тут действительно говорить о «вечных российских ценностях», своего рода «второй натуре россиян», как это предполагает Ерофеев? Едва ли. К примеру, после Февральской революции 1917 г. большинство русских солдат было не готово больше защищать свое государство от внешнего врага. Причину такого поведения русский историк Георгий Федотов видел в том, что широкие слои русского народа в начале 20-го века больше не понимали свое собственное государство, его политические цели и идеи³.

Так что не стоит удивляться, что именно царский режим оказался самым слабым звеном в цепи воюющих держав и первым рухнул перед лицом тех вызовов, которые были порождены Первой мировой войной. Насколько масштабным был в то время национальный нигилизм народных слоев, можно понять из того, что сотрудничество Ленина с Германской Империей, документально доказанное Временным правительством, ни в коей мере не повредило триумфальной победе большевиков. Еще одним показателем отхода русского народа от него, с точки зрения Ерофеева, типично русской «патриотической позиции» стала его по сути равнодушная реакция на унижительный Брест-Литовский мир в марте 1918 года, который почти ни в чем не отличался от последовавшего за ним Версальского договора, продиктованного западными державами побежденной Германии.

Совсем другой характер имела война Советского Союза с Германией, разразившаяся в 1941 году. Тут поведение подавляющего большинства российского населения и в самом деле соответствовало тем принципам, которые Ерофеев считает типично русскими. Российский патриотизм стал, пожалуй, важнейшей силой, которая обеспечила и выживание Советского Союза, и крах «Третьего Рейха». Смену парадигм, которая произошла в России между Первой и Второй мировой войной, можно продемонстрировать на примере двух разных политиков, сотрудничавших с противником. Популярности Ленина, как уже было сказано, никак не повредило его сотрудничество с немцами, а вот переход на сторону врага генерала Власова полностью дискредитировал его в глазах подавляющего большинства русских людей.

Был ли тогдашний русский патриотизм такой силой, которая находилась в фундаментальном противоречии с западными ценностями? Едва ли. Скорее можно утверждать обратное. У ворот Москвы и Ленинграда Красная Армия защищала не только свою собственную страну, но и весь мир, над которым нависла угроза нацизма. И этот факт существенно способствовал росту ее самосознания. Поначалу западные державы приветствовали и безоговорочно поддерживали борьбу своих новых русских союзников. Уинстон Черчилль в день гитлеровского

---

³ Федотов Г. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 129, 175.

нападения на Советский Союз заявил: «Борьба русских ... есть часть общей борьбы всех свободных людей и всех свободных народов во всех частях мира»⁴.

Непреодолимая пропасть, якобы существовавшая между Востоком и Западом со времен большевистской революции, начала в то время заметно уменьшаться. Но именно этот процесс вызвал у кремлевского тирана панический страх. И стремление своих подданных к большей самостоятельности, и открытие страны в сторону свободного мира он воспринял как огромную опасность. Свою важнейшую цель сталинское руководство видело в новом дисциплинировании нации, испытывавшей чувство гордости за свою победу⁵. Парадоксальным образом правящая верхушка связывала укрепление механизмов государственного контроля над собственным населением с доходящим до гротеска восхвалением русскости. Тот факт, что после петровской революции Россия стала неотъемлемой составной частью европейского сообщества народов, отрицался; Запад демонизировался, и постулировалось фундаментальное противоречие между российскими и западными ценностными представлениями.

Руссоцентристские мифы, распространявшиеся режимом, многие россияне принимали за чистую монету и искренне верили, что большинство великих открытий и изобретений были сделаны русскими, что «Россия – родина слонов» (так критически мыслящие русские интеллектуалы высмеивали шовинистическую кампанию режима). Но стремление к преодолению противопоставления Запада и Востока, к «возвращению России в Европу» продолжало жить в некоторых слоях российского общества. Конкретные очертания это стремление смогло обрести только во времена горбачевской перестройки. Но без него политическое чудо мирной революции 1989–1991 годов и преодоление раскола Европы было бы немыслимо.

Однако эйфория 1989–91 годов сейчас развеялась. Изоляционистские силы как на Западе, так и на Востоке, ставящие под сомнение европейский характер России, набирают силу. Русские «европейцы», благодаря которым континент смог по существу мирно преодолеть пропасть, прижаты сейчас спиной к стене. Поборники путинской «управляемой демократии» пытаются связать лишение российского общества самостоятельности с объяснением в любви к собственной нации. При этом они постулируют, как это делало сталинское руководство, фундаментальное противоречие между якобы «здоровым» и уважающим традиции Востоком и декадентским, обреченным на гибель Западом.

В предельно крайней форме эти идеи представлены у праворадикального публициста Александра Дугина, и они оказывают все большее влияние на российский внутривнутриполитический дискурс. Несколько лет назад Дугин так характеризовал русских: «Мы – нация космического масштаба... Россия и вселенский мас-

---

⁴ Churchill W. Der Zweite Weltkrieg. Bern, 1951. Vol. 3.1. P. 443-444.

⁵ См.: Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Frankfurt/Main, 1976. С. 16-17.

штаб – это синонимы»⁶. Таким образом, сторонники русского «особого пути» в очередной раз пытаются искусственно отделить друг от друга две части Европы, которые так судьбоносно связаны друг с другом. Как и в сталинские времена, Россия должна быть отделена от общемирового процесса культурного и научного развития и платить за это новым застоём и «Упадком творчества». Как ответят «русские европейцы» на это роковое развитие?

Авторизованный перевод Ларисы Лисюткиной

---

⁶ Евразийское обозрение. 2001. № 1.